

Юрий
НАГИБИН

ВСПОЛОШНЫЙ ЗВОН

Восп. Клуб. - 1992. - 80 в.

А вести были счастливые. В тот самый день, а именно 26 августа, когда московские жители встретили Владимирскую икону, Тамерлан неведомо почему повернул свои полки и ушел из российских владений. Конечно, русская церковь стала торжественно праздновать день Сретения Богоматери, когда «сила небесная спасла Россию от ужаснейшего из всех завоевателей».

Карамзин дает весьма рациональное объяснение уходу Тамерлана. Конечно, тут дело не в божественной силе и не в том, что покоритель двадцати шести царств убоился ополчения юного московского князя, он понял, что трудный поход в Россию да еще в близости осени не принесет ему тех выгод, которые может дать завоевание Индии, Сирии или Египта. И увел туда свою конницу.

Так или иначе, а в Москве появилась новая улица: Сретенка, Встретинка, Устретинка — называли ее по-разному, но смысл был один.

Описывая это знаменательное событие в жизни Москвы да и всей Руси, Карамзин упоминает Кучково поле. Да, Сретенка проходила по земле полулегендарного боярина Кучки, чьи владения захватил князь Юрий Долгорукий и основал на них Москву.

Сретенка отстраивалась лениво, пока в XVI веке Василий III не поселил здесь выведенных из Новгорода и Пскова жителей. Василий продолжал традиционную политику Москвы, направленную на ослабление богатого и вольнолюбивого Новгорода. В Сытин и некоторые другие авторитеты считают, что название Лубянка пошло от новгородцев, была у них улица Лубяница. Но есть и другое мнение: происхождение названия Лубянка — местное, от луба, которым крыли мелкие лавочки.

Сретенка была торговой улицей по преимуществу с довольно неказистыми лавками и лавочками, особенно тесно грудившимися возле Сретенских ворот. С XVII века среди

торговцев и ремесленников стали селиться и знатные люди. Это объяснялось тем, что Алексей Михайлович нередко ездил по Сретенке на богомолье; как и в случае с Маросейкой и Покровкой, знать тянулась за царским поездом. Конечно, давно уже не осталось и следа от усадеб Пожарского, Волконских, Хилковых, Голицыных, но до недавнего времени сохранялись палаты князей Хованских. Каменные дома появились лишь в XIX веке, тогда Сретенка обрела стройный вид, впрочем, это относится к той ее части, которая стала Лубянкой. Та же часть, что и ныне называется Сретенкой, особой казистостью никогда не отличалась.

Но, признаться, я люблю эту Сретенку, сохранившую, как никакая другая улица, облик старой Москвы. И чем так привлекательны низенькие, лишенные всяких украшений домишки? Конечно, веет старины, но есть в них и соразмерность, архитектурная грамотность, соответствие своему жизненному предназначению. Те, для кого они строились, не обладали крупным достатком, они требовали от жилища лишь надежности, удобства и уюта для серьезного и спокойного существования.

Русская история несколько раз избирала Сретенку ареной своего действия. Так было в древности, когда соборные встречали Чудотворную. В пору так называемой «третьей смуты» — после свержения царя Василия Шуйского — Москва была захвачена поляками. В 1611 году вспыхнуло народное восстание в столице. На подавление его зашедшие в Кремле поляки бросили крупные силы. Ожесточенная битва разыгралась на выходе из Китай-города, где захватчиков встретил князь Дмитрий Пожарский с пушками Пушечного двора. Отступив к своему владению, Пожарский укрепился в острожке и дрался, пока не «изнемог от жестоких ран». Впавшего в беспамятство князя верные люди умили в Троице-Сергиеву об-

тель. Но менее чем через год залечивший раны князь возглавил созданное Мининым народное ополчение, разгромил врагов и положил конец Смутному времени.

В царствование тишайшего Алексея Михайловича на Сретенке произошли волнения, вылившиеся в знаменитый и трагический Соляной бунт. Царь, как уже говорилось, ездил на богомолье по Сретенке. Однажды его поезд был остановлен толпой народа, вручившей царю челобитную с жалобой на чинимые царскими сановниками притеснения. Тишайший велел стрельцам плетью разогнать смутьянов (в России даже скорбная жалоба доведенного до отчаяния народа немедленно объявлялась смутой). Через недолгое время толпа вновь собралась и подала другую жалобу. Вновь пошли в ход плетни, но тут долготерпеливый народ московский возмутился всерьез, и в царский возок полетели камни, палки, комья земли. И началась уже не смута, а настоящая бунт.

Наконец во время Октябрьской революции Сретенка дольше всех других московских улиц оставалась в руках белых. Установив пулемет на крыше высокого дома близ Сухарева башни, они держали под огнем всю окрестность, и стоило немалых трудов и жертв их обезвредить.

Был такой период моей жизни, когда Сретенка стала чуть не самой важной для меня улицей города. Летом 1935 года в Малеевке, писательском Доме творчества, где я жил со своими родителями, мы познакомились с милой молодой женщиной Марией Чазовой, билетершей театра-студии Ю. Завадского. Добрая душа Мария обещала завести нас контрамарками и свое обещание выполнила. Мать и отчим деликатно пользовались услужливостью Марии, я же с присущей мне в юности необузданностью стал чуть не каждый день ходить в театр, помещавшийся в полуподвале жилого дома по Головину переулку. «Ученика дьявола» Бернар-

да Шоу я смотрел не меньше двадцати раз, «С любовью не шутят» Мюссе — столько же, «Волки и овцы» Островского — раз десять, «Школу неплательщиков» Вернейля — счет потерял. «Соперников» Шеридана всего пять раз, но не по своей вине, о чем ниже.

В середине тридцатых годов в Москве было полно талантливых и совершенно несхожих между собой театров. Еще работал Мейерхольд, замечательные спектакли ставил в Новом театре забытый теперь Каверин, высоко держал знамя Таиров, удивительный импровизационный спектакль «Гримасы» с блистательным комиком Быковым шел на сцене театра «Семперанте» (театр играл в большой аудитории Политехнического музея, где и сцены почти что не было, зато были талант и дерзость). Охлопков поставил «Аристократов», возник и, к сожалению, слишком быстро погас острый и своеобразный Театр обозрений, прекрасные спектакли ставил в своем театре-студии Рубен Симонов, переживали расцвет МХАТ-2 и театр Вахтангова, Алексей Дикий творил чудеса в театре со скучным названием «им. ВЦСПС». Спокойно подремывал Малый театр и вдруг взорвался остужевским Отелло.

Но по мне самым лучшим был крошечный театрик Завадского. Достаточно сказать, что там играли молодые Марецкая, Абдулов, Мордвинов и Плятт. А были еще превосходные артисты: Алексеева — партнерша Мордвинова, Мей, Фивейский, возможно, я кого-то забывал. «Школу неплательщиков» оформлял чудесный Тышлер.

Самым большим моим потрясением был «Ученик дьявола». Умная, ироничная и вместе трогательная пьеса Шоу нашла своего режиссера и своих актеров. Великолепен был Мордвинов в роли Дика, ученика дьявола. Огненно рыжий, белозубый, насмешливый и романтический! А генерал Бергойн — Абдулов, сколько тонкости в иронически пристальном взгляде, скептической улыбке, в каждой ску-

Сретенка сегодня.

по отмеренной реплике, а трепетная Алексеева в роли жены пастора, ее непорочное сердце очнулось для огненного бунтаря и безобразника Дика. Сколько раз бывал я на этом спектакле, и, случалось, актеры выходили на сцену усталые после долгого репетиционного дня, но они сразу обретали второе дыхание в любимом спектакле и всегда играли с удовольствием и подъемом. Как это прекрасно, когда театр оказывается праздником и для исполнителей, и для зрителей! А ныне праздник ушел из театра, как правило, актеры отбывают повинность на сцене, выполняют скучный надоевший урок. И что за странная тайна: в то неблагоприятное время,

в преддверии апокалипсиса тридцать седьмого года, театры цвели, а ныне, в пору весенних надежд, ничего не получается. Создали кучу новых театров, но нет там жемчужного зерна. Мандельштам говорил: «Каждый балет — крепостной». Неужели это относится и к драматическому театру, и воздух свободы ему противопоказан?

Но судьба моего любимого театра все же оказалась печальной. Его сослали в Ростов-на-Дону. По личному распоряжению Корифея всего. Сперва хотели послать туда МХАТ-2, но художественный руководитель Берсенев заупрямился, театр площадно изругали и расформировали. Завадскому не захотелось

такой участи для своего детища, он поехал, и я не смог пойти в шестой, седьмой и... надцатый раз на полюбившийся мне спектакль «Соперники». Иные актеры не поехали: Абдулов, Марецкая, Плятт, они перешли в театр Моссовета. Алексеева оказалась в каком-то воинском театре в Берлине. Кажется, Мордвинов тоже недолго задержался в Ростове, но, может, я что-то путаю. Ю. Завадский довольно долго пробыл в Ростове, поставил там «Горе от ума» и сам сыграл Чацкого. Этот спектакль привозили в Москву, все было очень добротно и квалифицированно, по праздник погас. Не знаю, много ли выиграл Ростов, получив остатки чудесного театра, но Москва много потеряла. Впрочем, потери этим не ограничились. Один за другим были закрыты, точнее, разогнаны. Театр Мейерхольда, Камерный, Новый, «Семперанте», Театр обозрений, студия Симонова, театр Охлопкова. Все оставшееся было МХАТом, зашедшим в тупик.

Как и всегда, я пытался выяснить, кто из знаменитостей жил на улицах, о которых идет рассказ. Урожай оказался на редкость скуден. Улица им. Дзержинского дала приют в доме № 28 художнику Пукиреву, автору одного из самых популярных полотен «Неравный брак». Сретенка отмечена местожительством скульптора С. В. Волнухина, создавшего памятник первопечатнику Федорову, а дом напротив (№16) принадлежал жене великого Мочалова, лучшего Гамлета на русской сцене.

Есть замечательная картина не слишком плодovitого Саврасова (он столько раз копировал своих «Грачей», что для новых работ не оставалось времени) — «Сухарева башня», написанная в 1879 году. Даже поверить трудно, что в пору, так приближенную к нам русской классикой, Москва являла подобную убогость: избушки под тесовыми заснеженными крышами, деревянный забор, голые по зиме, сиротливые деревья, опущенные сне-

гом кусты и лишь у подножия невероятно высокой среди всеобщей малорослости башни — двухэтажный каменный домик и длинный, тоже каменный, сарай. А не Сретенка ли это? — подумал я, ориентируясь на фасад башни. — Похоже, что Сретенка, только взятая художником не спереди, а с тыла.

В моем детстве Сухарева башня была любилицей московских жителей. Лишь храм Христа Спасителя, построенный на лепту народную в память о павших в войне с Наполеоном, был любим еще горячее. Москвичи придумали для Сухаревой башни ласковое прозвище: невеста Ивана Великого.

Возвел эту башню повелением царя Петра наш соотечественник Михаил Иванович Чоглоков. Необычная его фамилия возникла как прозвище: чоглок — птица из семейства соколиных. Этой почетной кличкой удостоился предок зодчего Иван Пружанин, выходец из белорусского городка Пружаны. Михаил Иванович был мастером на все руки: выдающийся архитектор, он не меньше преуспел в живописи, расписывал боевые знамена, писал фрески в царских палатах, а в покоях царевича Алексея выводил «живописные письма на полотне». Несколько загадочно звучит сообщение, что его посылали на двор адмирала Лефортова «для письма новозавоеванного города Шлиссенбурга».

Сухарева башня явилась первым гражданским сооружением в России подобного масштаба, до этого столь высоко возносились лишь церковные колокольни.

Из старых книг: «Благодаря меньшим размерам домов, очень выигрывали старинные памятники Москвы, не затертые кирпичными стенами, видимые издали и не кажущиеся по своим размерам игрушками или архитектурными моделями. Многие церкви, кремлевские башни, Иван Великий, храм Христа Спасителя, Сухарева башня — господствовали над городом, были видны из многих мест».

печатается
с продолжением
по пятницам